

HARLEQUIN®

061

*Элизабет
Бикон*

**РАФ-
ЗАТВОРНИК**

И С Т О Р И Ч Е С К И Й Р О М А Н

Исторический роман – Harlequin

Элизабет Бикон

Граф-затворник

«Центрполиграф»

2013

Бикон Э.

Граф-затворник / Э. Бикон — «Центрполиграф»,
2013 — (Исторический роман – Harlequin)

Очаровательная энергичная леди Персефона Сиборн влюбилась в нелюдимого и высокомерного графа Александра Фортина, не догадываясь о том, что он тоже ее любит. Они могли бы и не узнать о том, что их страсть взаимна, но судьбе было угодно устроить так, чтобы их интересы тесно переплелись. Персефона назначает Алексу свидание, нет-нет, исключительно деловое, – они должны обсудить свои действия по спасению близких им людей. Но Алекс – опытный соблазнитель, а леди Сиборн – горячая и страстная девушка, и после того, что между ними произошло, граф, как истинный джентльмен, просто обязан жениться на Персефоне...

© Бикон Э., 2013

© Центрполиграф, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Элизабет Бикон Граф-затворник

The Scarred Earl

Copyright © 2013 by Elizabeth Beacon

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

* * *

С благодарностью посвящаю эту книгу моим милым редакторам, прошлым и нынешним: Мэдди Уэст, Люси Гилмор и Мэган Хэслам, – без их тяжкого труда, юмора и терпения все мои книги получились бы не такими яркими

Глава 1

– Ты следующая, – сообщила вдовствующая герцогиня Деттингем своей старшей внучке Персефоне Сиборн и чопорно кивнула на букет поздних китайских роз.

Этот свадебный букет прилетел Персефоне от Джессики – счастливой новобрачной; она бросила его в толпу подруг, перед тем как отправиться в свадебное путешествие со своим по уши влюбленным мужем.

Персефоне вдруг показалось: нежные розы в ее руках внезапно превратились в стебли чертополоха и жгучей крапивы, она чуть не выронила букет в пыль. Точный бросок ее лучшей подруги Джессики ясно показывал: какой же та стала прозорливой с тех пор, как влюбилась в Джека Сиборна, герцога Деттингема. Персефона поймала этот букет просто механически, а не из желания быть следующей невестой, как того требовала традиция. Раздумывая, кого же на этот раз бабушка прочит ей в женихи, она ответила вдовствующей герцогине холодным взглядом и молча прокляла всех свах до десятого колена.

– Пожалуйста, не будем портить друг другу настроение в такой особенный для моей Джессики день, – вмешалась леди Пэндл, мать новобрачной.

Ее младшая дочь только что счастливо вышла замуж за внука вдовствующей герцогини, но леди все-таки постаралась спасти Персефону от властной родственницы. Девушка была за это ей очень благодарна.

– В любом случае мисс Бритлс и сэр Джон пойдут к алтарю раньше меня. Все признаки взаимного согласия налицо, – вслух подумала Персефона.

Ее безумно удивляло: Джек и Джессика – такие разные и внешне, и по своим характерам, но тем не менее они смотрят друг на друга влюбленными глазами и выглядят последние недели очень счастливой парой. Сэр Джон и его возлюбленная безошибочно находили друг друга в этой толпе друзей и аристократов, приглашенных на самую блестящую свадьбу, в обществе ее даже признали свадьбой года, не говоря уже о свадьбе сезона. Персефона запоздало поняла: не следовало говорить об этом вслух, привлекая внимание старой герцогини, и от всей души пожалела о резвости своего языка.

– Фу! Они все-таки староваты, чтобы изображать влюбленную юность, да еще в такой смехотворной манере, – громко высказалась старая леди и метнула яростный взгляд в сторону упомянутой пары.

Мисс Бритлс инстинктивно сделала шаг назад, и сэр Джон Коултер обернулся и сердито посмотрел, в чем дело. Почуввав добычу поинтересней, чем упрямая внучка, вдовствующая герцогиня мгновенно забыла про своих невольных собеседниц. Персефона и леди Пэндл тут же постарались смешаться с гуляющей по прекрасным садам толпой.

– Сэр Джон, кажется, в полной готовности вести сражение, – смущенно пробормотала леди Пэндл.

– Он защитит мисс Бритлс от моей бабушки-драконихи. Такая самоотверженность еще выше подняла его в ее глазах, – откликнулась Персефона.

– Значит, с нашей стороны не было уж таким малодушием оставить ее светлость развлекаться с ними в своей привычной манере, – согласилась леди Пэндл. Она тащила Персефону к одной из своих дочерей: та стояла со своим заботливым мужем, держала на руках маленького сынишку и с присущим ей добродушным юмором наблюдая за счастливым семейным торжеством.

– Не обращай внимания, дорогая Персефона. Ее светлость не выносит деревенской жизни больше одного дня и, должно быть, уже соскучилась по городской вонючке и шуму. Ты ведь все равно не оставляешь своей упрямой привычки делать все по-своему, невзирая на ее любимое занятие заставлять внуков крутиться как уж на сковородке.

– Не представляю более невыносимого и раздражающего бремени для бедняжки вдовствующей герцогини, чем быть бабушкой столь неблагодарных внуков. Ох уж мне это последнее поколение Сиборнов, – ядовито заметила Ровена, леди Тремейн и передала своего сына и наследника сэру Линстоку.

В саду поблизости маячила их няня, которую явно удивляло, что родители не хотят оставить младенца на ее попечение. С ребенком удобно появляться на торжествах по достижении им такого разумного возраста, когда его будет видно, но уже не слышно. Если тот день вообще когда-то наступит в энергичном семействе Тремейн, насчет чего Персефона сильно сомневалась.

Неотразимо красивый баронет с кроткой улыбкой взял на руки сына и пожал плечами, признавая, что заслуженная за многие годы репутация гуляки и повесы теперь разрушена. Сначала это сделала его единственная и неповторимая жена, а теперь еще и здоровый бутуз, которого он безмерно и откровенно обожал. Его темные глаза светились такой радостью и нежностью при виде сынишки! Персефона даже не предполагала, что когда-нибудь увидит что-то подобное. Сэр Линсток так трогательно и умело укачивал своего сына, словно имел не одного ребенка, а целый выводок детей, то есть много лет занимался ими и был им любящим отцом. Долгое время он с наслаждением соответствовал своей репутации лондонского красавца-прожигателя жизни. Однажды на званом вечере он посмотрел в смеющиеся голубые глаза леди Ровены и пал к ее изящным ножкам, словно какой-то провинциальный юнец.

– Похоже, герцогиня скоро возмутится, что ей не оказывают заслуженного почтения, и потребует скорого отъезда домой. Хотя, если бы дело касалось кого-то еще, подобную стремительность она сочла бы недопустимой, – лаконично заметил сэр Джон. – Ее кучер наверняка уже готовит лошадей к выезду.

Персефона засмеялась. Она болтала со всеми прибывающими членами семьи Пэндл и наслаждалась их остроумной и приятной компанией. Однако все портили мысли о браке. Почему-то семейная жизнь леди Ровены и сэра Линстока вызывает у нее нервную дрожь. Ей почти двадцать два, а значит, давно надлежит обзавестись супругом хотя бы для того, чтобы мать перестала беспокоиться о будущем старшей из своих дочерей. Однако за три успешных сезона Персефона так и не встретила джентльмена, которого рискнула бы терпеть всю оставшуюся жизнь в священных семейных узах.

Ее снова пронзила дрожь: она представила, как встречается с воображаемым женихом в свадебных покоех перед брачной ночью и полностью доверяет ему себя. Вина за этот страх лежала на ее родителях. Персефона помнила, как счастливы были мать и отец и как отчаянно тяжела стала жизнь леди Мелиссы без ее любимого мужа. Сиборны все были однолюбам, напоминали лебедей-неразлучников. Правда, одно очень впечатляющее исключение составлял ее дедушка: в прошлом известный распутник. Он женился на ее бабушке исключительно ради денег и завел себе целую армию экзотических любовниц, как только детскую Эшбертона наполнили громогласными воплями его отпрыски. Персефона часто думала, не из-за его ли пренебрежительной неверности бабушка Деттингем так раздражительна – даже спустя столько лет после смерти распутного мужа.

Однако несмотря на этот наглядный пример, Персефону передергивало от отвращения при одной мысли о браке без любви. Она точно знала, что ей нужна будет брачная постель только в случае настоящей страстной любви, и совершенно не могла представить себе последнее. Она наверняка может стать среди родственников предметом насмешек, но уж лучше так, чем отдаться нелюбимому человеку. Ясно, нежеланного мужа она постепенно возненавидит, но будет жить с ним ради детей и достойного положения в обществе.

Желая отвлечься от захватившего ее чувства страха и несогласия, она стала наблюдать за группками переговаривающихся гостей. Люди медленно стекались к южной террасе, откуда открывался впечатляющий вид на далекие уэльские холмы с одной стороны и раскинувшиеся

хартфордширские уголья с другой. Многочисленные представители семей Пэндл и Сиборн виднелись повсюду, в совершенно разных группах и парах, они выглядели расслабленными и счастливыми, делились новостями с соседями и друзьями Джека и явно наслаждались хорошей компанией.

Сэр Линсток определенно не зря говорил, что вдовствующая герцогиня осуждает подобные простые удовольствия, особенно если присутствующие не внимают каждому ее слову. И когда старая леди, как и ожидалось, начала выражать возмущение, Персефона на миг перехватила смеющийся взгляд Ровены Тремейн. Добрая часть Пэндлов и Сиборнов тут же окружила ее светлость, и леди Мелисса как хозяйка дома простилась со своей требовательной свекровью.

Наконец вдовствующая герцогиня отбыла с праздника – и с такой помпой, словно это было обязательное условие, чтобы уверить всех в своей важности. Персефона вместе с остальными родственниками снова вернулась на террасу. Внезапно ее охватил жуткий озноб. Ей захотелось ото всех скрыться, спрятаться от насмешливых глаз, которые, казалось, следили за каждым ее движением. Однако она не собиралась трусливо отсиживаться в доме и осталась в саду, хотя ее обнаженные руки покрылись «гусиной кожей» – и это в необычно жаркий день августа. Она медленно прогуливалась по террасе, приветствовала друзей и знакомых и старалась незаметно отыскать в толпе источник своего неопределенного дискомфорта. Наконец подспудное ощущение приближающейся опасности немного притупилось, но тут ее взгляд встретился с невероятно внимательным взглядом Александра Фортина, графа Калверкоума, и это встревожило ее куда сильнее.

Этот человек способен любить только себя самого, с возмущением решила Персефона. Она испытывала к нему больше неприязни, чем к любому другому представителю мужского рода, но честность заставляла ее признать: не он был причиной неприятного чувства опасности. Весь вечер ей казалось, будто невидимый, но безжалостный враг приглядывается к ней, словно снимает мерку для будущего гроба. Да, в присутствии Алекса Фортина ей всегда становилось не по себе, но не его присутствие вызывало напряжение в ней. Нет, скорее какой-то другой человек был источником нависающего зла, это весь день маячило на краю ее сознания.

Честно говоря, Персефоне было трудно сохранять к графу Калверкоуму беспристрастность, он постоянно непонятно чем раздражал ее без малейших усилий со своей стороны. Пожелай чувствительные особы светского общества почаще смотреть в сторону милорда Калверкоума, они наверняка нашли бы его очаровательным, отчужденно-задумчивым романтическим героем. И, сладко содрогаясь от паники и желания при виде его «украшенного» шрамами лица, наверняка на каждом шагу падали бы в обморок. Но девушке для восхищения и понимания необыкновенности этого человека требовалось нечто большее, чем просто сочетание следов нескольких боевых ранений и циничной усмешки.

И все же приходилось признать: он обладал не только мрачной улыбкой и интригующе изуродованным, но по-прежнему очень притягательным лицом, крупным мужским телом с сильными, словно налитыми мускулами. Алекс Фортин имел древний титул, благородно-таинственное прошлое и распространял вокруг себя холодную ауру человека, привыкшего отдавать приказы. Он словно бросал вызов другим людям, демонстрируя жутковатые шрамы на изуродованной половине лица и поврежденный ярко-синий глаз. Его он не собирался чем-либо прикрывать, дабы не нервировать представителей остального мира, когда они смотрели на него, графа Калверкоума.

Персефона говорила себе, что она честна. Но все равно не могла понять, почему он всегда вызывал в ней докучливые мысли, что она несправедлива и мелочна. Этот мужчина представлял собой образцовый прототип героя – или злодея – готических романов. Именно такие произведения некоторые ее соотечественницы обожали до сладкой дрожи. Хотя наверняка сам граф возмутился бы, узнав о приписываемых ему вымышленных достоинствах и недостатках, обладая множеством собственных. Да и она сама уже не была юной впечатлительной девоч-

кой. Персефона слегка улыбнулась при этой мысли, но в какой-то миг сумела остановиться. Не хватало еще, чтобы он решил, будто она бросает ему призывные взгляды. У нее на уме и близко нет ничего подобного!

Совсем неудивительно, что ей мерещатся всякие ужасы, ведь в воздухе витало нечто опасное. Персефона нахмурилась и с достоинством пошла прочь, избегая проницательного взгляда графа. Девушка быстро оказалась на другой стороне террасы и снова вошла в роль члена хозяйской семьи для светского общества и половины местной знати. Гости до сих пор слонялись по безукоризненно ухоженным лужайкам усадьбы. Но даже несмотря на эту дистанцию, ей все равно было не уйти от этой темы: большинство присутствующих очень любопытно относилось к затворничеству графа Калверкоума.

В подтверждение своей любви к одиночеству он старался как можно дольше избегать внимания аристократии и местной знати. Персефона вообще удивлялась его согласию стать шафером Джека и публичному появлению на свадьбе. Она старалась убедить себя: нельзя обвинять графа за то, что он занял место, по праву принадлежащее ее старшему брату Ричарду. Из их жизни Рич испарился три года назад и до сего времени не напомнил о себе ни единым словечком. Только поэтому Джек попросил своего друга юности Александра Фортина занять место шафера, предназначавшееся кузену. Джек и Рич были близки, как родные братья, и провели вместе всю свою бурную юность и в Оксфорде, и в разудалой лондонской жизни, полной распутства и развлечений. А когда им обоим это наскучило, Рич отправился на поиски приключений, а Джеку пришлось принять все тяготы высокого положения герцога, лендлорда, аристократа и соответственно изменить свое поведение.

Надо признать, Персефона все же восхищалась смелостью графа-затворника – он не отказался исполнить для своего друга обязанность, которой пренебрег ее брат. Но это вовсе не предполагало с ее стороны особенную внимательность или симпатию. К счастью, у нее хватало здравого смысла не интересоваться этим волком-одиночкой. Он же сосредоточил на ней свое пристальное внимание, и девушка даже сердито взглянула в его сторону. Оказалось, он как раз смотрел на нее и удивленно поднял бровь, словно намекая: не надо его обвинять за собственные своенравные мысли. С желанием доказать свое совершенное безразличие Персефона повернулась спиной к этому раздражающему ее мужчине и снова принялась за свои обязанности – очаровывать гостей Джека.

Несомненно, сейчас разговоры наверняка крутились бы вокруг странного исчезновения Рича, но все-таки на церемонии свадьбы Джека и Джессики их почти не было, да и присутствие Персефоны – сестры Ричарда Сиборна – их сдерживало. Были и те, кто дерзко спрашивал, куда же он все-таки отправился, но основная масса ограничивалась выразительными взглядами, в которых сквозили самые разные чувства: от острого любопытства до искреннего сочувствия. Пусть Рич и отсутствовал, но леди Сиборн настолько безупречно организовала свадебное торжество, что под очарование счастливой пары попали все без исключения. Даже престарелая вдовствующая герцогиня в определенном смысле получила удовольствие.

Персефона чуть не расплакалась, представив, как радовался бы горячо любимый отец, если бы дожил до сего события. Когда Джеку было всего шестнадцать лет, его мать произвела на свет мертворожденную дочь, а затем умерла сама. Сам герцог вскоре после этого упал с обрыва и сломал шею. Тогда родители Персефоны приняли решение перебраться в Эшбертон, чтобы помочь Джеку пережить горе и облегчить бремя, которое легло на его юные плечи.

К своему стыду, она помнила, что реагировала на эти перемены страшной ревностью и обидами, а ведь ее родителям было нелегко взвалить на себя тяготы опекунов. Наверное, Рич переживал это еще острее, ведь ему было пятнадцать лет, а ей только восемь. Но хватит думать о зияющих прорехах в рядах семьи. Еще многое предстоит сделать. И Персефона с беззаботным видом влилась в толпу, расточая улыбки и смех, пока у нее не устали мышцы лица.

Наконец гости начали расходиться – кто отдохнуть перед ужином, а кое-кто отправились по домам, если жили рядом. Персефоне в конце концов удалось сбежать. Исчезнув из поля зрения находившихся в доме и на террасе людей, она с огромным облегчением выдохнула и поспешила к своему любимому убежищу. Она искренне радовалась за Джека и его обретенную герцогиню и сердилась на себя за неприятное чувство тревоги. Оно портило ей такой радостный день – а оно ведь не проходило, продолжало беспокоить внутри, как больной зуб.

Стояла прекрасная летняя погода – теплая и безветренная, но в воздухе все равно уже носилось дыхание осени. Персефоне же чудилось нечто опасное даже в легком юго-западном бризе. Несмотря на августовскую жару, ее вновь охватил озноб. Она ощутила, как вдруг разительно изменилась вокруг атмосфера. Шестое чувство подсказывало: в безопасный мир Сиборнов проник невидимый дьявол, он без малейшей жалости сомнет, уничтожит их ради своей цели.

Хорошо еще, что удалось отправить Джека с молодой женой в путешествие по Озерному краю¹. Она вспомнила, как со смехом напутствовала молодоженов, чтобы они не увлеклись и возвращались домой хотя бы к Рождеству. Но она знала: как бы ни желал Джек уединиться с Джессикой, он ни за что никуда не уехал, если бы считал, что жизни в Эшбертоне что-то угрожает. Персефона с безмятежным спокойствием приказала кузену отправляться в путь, пока Джессика не уехала без него. Да и в любом случае здесь не было какой-то существенной опасности, которой стоило бы ему озаботиться, никакого реального врага, вызывающего ее неясную тревогу.

Хотя лучше он был бы здесь, заключила она. В этот момент вход в убежище заслонила чья-то высокая фигура. «Надо как-то отвязаться от этого шафера», – подумала Персефона.

Лорд Калверкоум остановился в проходе, насмешливо глянул на нее и затем вошел внутрь. Можно подумать, он имеет право изводить ее своими непрошеными советами и этим скептическим взглядом, адресованным только ей. Кроме того, если он сам одинокий волк, то с какой стати не дает другим – а конкретно ей – насладиться уединением?

Но он явно об этом не думал и неторопливо шел к ней с таким видом, словно владел и всем Эшбертоном. А у него самого полно разнообразных старинных поместий, унаследованных от предков. Персефона не сомневалась: он намеренно преувеличивал их плачевное состояние, дабы отпугнуть гостей и всех юных леди, жаждавших заполучить его в мужья. Правда, он вышел из своего затворничества, чтобы поддержать Джека. И это подрывало ее уверенность, что он самый эгоистичный человек из всех, кого она только встречала.

Персефона надеялась, что он все-таки уйдет и оставит ее в покое, но он спокойно приближался, словно был уверен в теплом приеме, иное ему просто в голову не приходило. Один из самых раздражающих мужчин на земле – второй после ее брата Ричарда. Эта мысль вызвала у нее злость. Ну не глупо ли было надеяться тому неясному врагу, что Рич найдет способ появиться на свадьбе Джека и Джессики Пэндл? Персефона до самого начала свадьбы все-таки надеялась на появление Рича. Вот Джек и Джессика уже заключили в часовне Эшбертонов свой благословенный союз, а Рич так и не появился. Никакого переодетого незнакомца в церкви, украдкой посмотревшего на свадьбу и исчезнувшего, пока никто его не заметил – кроме, разумеется, самой Персефоны.

¹ *Озерный край* – английский национальный заповедник.

Глава 2

Черт побери, разве она не обещала себе больше не вспоминать об отсутствующем брате, таком упрямом и своенравном? Персефона заставила себя глубоко вдохнуть и сжала кулаки. Именно сегодня, в день свадьбы Джека, она пыталась не думать о самой большой потере в семье Сиборн. «Идиотка», – обозвала она себя за то, что вновь нарушила свой же запрет этой темы. Тут ее взгляд остановился на ближайшей фигуре, им оказался Александр Фортин, лорд Калверкоум, – и ее мысли приняли другое направление. «Вот уж мне повезло, ничего не скажешь!» – с горькой неприязнью мелькнуло в ее голове, когда этот неприятный тип в ответ на ее враждебный взгляд поднял брови и холодно посмотрел, словно она вела себя вздорно и неприветливо – а так, надо признать, и было.

В данный момент она вдруг почувствовала себя будущей жертвой готовящегося к нападению хищника под взглядом его глаз: как здорового, пронизывающе ясного, так и поврежденного. Раненый глаз пересекала непрозрачная полоса – такая же заметная, как и неровные линии шрамов на той же стороне лица. Много ли, мало ли он видел, но выражение этого глаза ничуть не отличалось от глаза здорового – яркая синева пылала дерзостью и высокомерием. «Разумеется, он никогда не признается, видит он этим глазом или нет, но совершенно ясно – ранения получены не на поле битвы. Кто-то же нанес эти ужасные раны человеку, который был слишком горд и силен, чтобы сдаться и выдать важные тайны», – подумала Персефона. Девушка невольно восхитилась его несгибаемым мужеством, вероятно, оно и помогло выдержать те жестокие муки, о чем сейчас свидетельствовало его лицо.

– Ну как, мисс Сиборн? – наконец поинтересовался граф, словно она сама почему-то должна была догадаться, что он подразумевает под своим саркастичным вопросом и слегка циничной улыбкой.

– Все хорошо. А разве может быть иначе в такой радостный день, ваша светлость?

– Легко. Вам же придется уступить права хозяйки жене Джека. Кроме того, ваша мать мне сообщила: как только герцог и герцогиня вернутся из свадебного путешествия, она вернется в ваш старый дом. Пусть Сиборн-Хаус и просторен, и очень хорош, но едва ли здесь будет вам так же привольно, как ранее, в роли всеми почитаемой сестры Ричарда и Маркуса и кухни Джека.

Будь на его месте кто-либо другой, она приняла бы эти слова за выражение сочувствия, но их произносил невыносимый грубиян лорд Калверкоум, и ничего хорошего от него ждать не приходилось.

– Я умею себя занимать, какие бы помехи мне ни чинились, – холодно ответила она, не показывая, как ее задевают его колючие слова и снисходительная улыбка. – Напоминаю: я по-прежнему старшая дочь хозяев и поэтому являюсь и внучкой, и племянницей, и кухней различных герцогов Деттингемов.

– Полагаю, это немного поможет вам пережить потерю своего положения, – произнес он, словно утешал шестидесятилетнюю старую деву.

Персефона сразу вспомнила: граф умел раздражать всех окружающих – в этом он превосходил Джека, Рича и второго ее брата Маркуса вместе взятых. У нее вспыхнуло неодолимое желание поставить его на место.

– Вы даже не представляете, насколько поможет, – протянула она тоном скупающей светской дамы. – Через несколько недель начинается малый сезон, и я смогу беззаботно отбыть в город. Пусть остальные открывают всеми нелюбимый дом, там никто не жил десять лет, а то и больше. Я же буду эгоистично наслаждаться светскими развлечениями, ведь несомненно этого я заслуживаю.

– Полагаю, мне придется напомнить: вам понадобится нанять достойный штат слуг, присмотреть за ремонтом дома и мебели, а также заняться прочими делами, вызванными откры-

тием старого дома. Только не считайте меня чересчур приземленным, мисс Сиборн. Я просто уверен: вы вцепитесь в столь прекрасную возможность продемонстрировать свою железную хватку обществу – не важно, светскому или нет.

– Не так сильно, как могла бы, имей я шанс заняться вашими именьями, – резко парировала она.

– Я не испытываю желания отыскивать полусгнившие остатки былой роскоши моих древних залов где-то в донжонах или ближайшей навозной куче, и разумеется, не собираюсь приглашать вас в свои владения для наведения там порядка.

– Да с чего вы взяли, что я этого хочу?! – возмутилась она с максимальным отвращением в возгласе.

– Вы сами об этом заговорили, дорогая, – ответил он и внезапно оказался совсем близко – слишком близко, чтобы она могла оставаться спокойной.

– Тогда я пришла бы ночью и задушила вас в постели.

– А я сплю так чутко, что даже такая маленькая кошка-охотница, как вы, не сможет незаметно проникнуть в мою спальню. А если вы, мисс Сиборн, и рискнете, то окажетесь в куда большей опасности, чем я, и это будет не убийство.

Он побеждал ее же собственным оружием – резкими словами. Она вздрогнула от странного предчувствия и еще большей тревоги – как будто его негромкая, полусхотливая угроза давала какое-то обещание.

– Не очень-то я восприимчива и потому не собираюсь искать у вас утешения – ночью или в другое время. Кошки слишком умны и независимы, чтобы подчиняться таким, как вы, лорд Калверкоум, – сумела выговорить Персефона, хотя ее тело уже пронзали сладкие, горячие потоки дрожи при одной мысли о его ласковых пальцах. Тело девушки имело на Алекса Фортина такие планы, о которых ей даже не хотелось думать.

Он лишь мягко улыбнулся в ответ на ее оборонительные слова, и Персефона мысленно выругалась. Он же видит ее насквозь – и не важно, насколько способен видеть физически. В тиши сада более цивилизованный человек, застав ее в уединении, уже понял бы: ей необходимо побыть одной, а истинный джентльмен уже повернулся бы и ушел. Девушка вопросительно смотрела на свою тезку – статую древнегреческой богини весны. Окружающий богиню сад знал лучшие времена и ждал нового весеннего обновления, чтобы опять поражать посетителей своим великолепием...

«И зачем граф пришел сюда, если не собирался говорить со мной? И все же он здесь и приводит меня в бешенство своей отчужденностью, да и смотрит так враждебно», – подумала она.

– Я вас прошу, не верьте всем сплетням обо мне, пока не узнаете меня получше, – ровным голосом предупредил он.

– Да с какой стати мне собирать о вас сплетни?

– Мне в голову приходит одна очень земная причина, – мягко проговорил он.

В воздухе внезапно пахнуло опасностью – и совсем не той, что пугала ее чуть раньше.

– Я не решилась бы на какие-либо отношения с таким циничным человеком, даже если бы он был помазанником божьим и владельцем гор золота, – воинственно заявила она.

– Интересно, спорила ли ваша тезка-богиня с Гадесом, прежде чем он унес ее в свое темное подземное царство? – задумчиво произнес он и кивнул на прекрасную резную статую богини Персефоны.

Он говорил так, словно обсуждал классическую мифологию с преподавателем в Оксфорде или Кембридже, но его бездонные синие глаза смотрели на Персефону с явным вождением. В его взгляде таилось что-то куда более опасное, чем простая потребность плоти: в нем плясали искры, угрожающие пошатнуть ее душевное равновесие. Персефона изо всех сил

постаралась сбросить его чары. Они оба испытывали похожие чувства – и притягательные, и отталкивающие.

– Мать Персефоны, богиня Деметра, пришла в ярость и вырвала дочь из лап мрачного повелителя подземного мира, – возразила девушка, несмотря на сильное сердцебиение и странное чувство отрезанности от реального мира.

Естественно, ей следовало повернуться и уйти, но в ней разыграл дерзкий дух Сиборнов, поэтому она осталась на месте. Их взгляды встретились, у каждого где-то внутри вспыхнул и стал распространяться обжигающий жар. Персефона мысленно заставила себя не обращать внимания на желание кажущегося чужим тела и напомнила себе, что чужак здесь он. Таковым и должен остаться, если у нее сохранились хоть какие-то остатки здравого смысла.

– Лишь на полгода, – уточнил граф. – Вряд ли ее устраивало столь долго жить в земном мире в тоске по своему любимому и ждать зимы, когда она снова сможет к нему вернуться. Подозреваю: ей безумно хотелось вновь оказаться в его объятиях. А еще – чтобы земной мир также погрузился в покой, и смертные перестали донимать ее постоянными мольбами.

– Это всего лишь миф, складная история, призванная развлечь простых людей и без каких-то философских глубин объяснить смену времен года, – ответила девушка вдруг осипшим голосом и тут же мысленно отругала себя за глупость: «Зачем так себя нервировать?»

– Персефона – богиня плодородия, мисс Сиборн. Ее культ глубоко вплетен в историю Древней Греции и возлагает на нее ответственность не только за длинные дни и смену теплых одеяний на более легкие.

– Я отлично понимаю, что в средиземноморской Греции разница между зимой и летом очень мала, лорд Калверкоум, – как можно равнодушнее ответила Персефона.

Мужчина приблизился, и ей показалось почти преступлением не прикоснуться к его изуродованному лицу и не исследовать гладкую кожу неповрежденной стороны. Его лицо словно разделялось надвое: одна сторона – прекрасный образчик мужской красоты с гладкой бронзовой кожей, а другая – с ужасными шрамами, свидетельствующая о кошмаре встречи, должно быть, с самим дьяволом. Ей стало интересно: как такой юный красавец Аполлон – лейтенант Фортин – превратился в столь злого отшельника лорда Калверкоума, и осталось ли под этой оболочкой хоть что-то от того прекрасного юноши. Правда, выяснение данного вопроса представляло огромную опасность для душевного равновесия, а ей и без того хватало волнений.

– Скажите это живущим в горах людям, мисс Сиборн. Тем, кому приходится бороться со снегом, чтобы выйти из дома, чтобы согреть себя и свой скот. Скажите это путешественникам, а также тем, кто в погоне за теплом приехал жить к морю. Зима есть повсюду, даже в людских душах.

– Откуда вы знаете? – тихо выдавила Персефона и вдруг ощутила под всей этой броней цинизма настоящего Александра Фортина. И осознала: ей хочется получше с ним познакомиться.

– Я видел, – ответил он и словно отстранился, должно быть, вспомнил о тех суровых местах, где люди уродовали лица врагов, чтобы узнать их тайны, или же получали извращенное удовольствие от чужих мук и навсегда запечатлевали на них свою ненависть.

Ей до безумия захотелось разглядеть его уже зажившие шрамы и уверить, что он уже не во власти беспощадных злодеев. Но граф, видно, понял, где он и с кем говорит, – и отшатнулся так, словно смог прочесть ее мысли, и они его опалили.

– Вы умеете выманивать чужие тайны ради своей пользы, мисс Сиборн, – обвиняюще произнес он, как будто это она нарушила его покой после трудного дня, а не наоборот.

– Умею и сделала бы это, если бы они меня интересовали, – ответила она почти ледяным тоном.

– Туше, – ответил он с жалкой улыбкой.

Такая улыбка почти обезоружила Персефону.

– Уходите! – бесстрастно приказала она.

– Если бы я мог, мисс Сиборн, – с сожалением проговорил он, – но... «что-то злое к нам идет», помните тех ведьм в «Макбете»? Полагаю, вы знаете, о чем речь, учитывая ваше всестороннее образование. Я не могу допустить, чтобы оно причинило вам вред, пока Джек занят другими делами.

– А почему нет? – по-детски воспротивилась Персефона. Ее, безусловно, сильно встревожило его предчувствие появления темных туч над сияющим счастьем Джека и Джессики. Но она не желала признавать факта: у них с графом так много общего. Куда больше, чем они сами хотели.

– В Индии я не раз видел, до чего может дойти страшный враг, на что он способен. Полагаете, вы неуязвимы для зла человеческого только потому, что вы красивы, богаты и родовиты? Ваша наивная вера проживет не больше пары секунд, если вы окажетесь на поле битвы – разве что вы действительно недостижимы для простых смертных, как эта каменная богиня с вашим именем, – ответил граф сдержанно и спокойно.

– Нет, я не настолько высокомерна, как вам кажется. Вероятно, ваше мнение обо мне сложилось из второсортных умозаключений и светских сплетен. Но мой брат сейчас где-то на просторах этого жестокого мира, и, несмотря на всю мою эгоистичную натуру, я очень боюсь за него, лорд Калверкоум. И если единственный способ узнать о его судьбе – это встреча с теми, кто ему угрожает, я это сделаю. И обойдусь при этом без вашей помощи.

– В таком случае вы просто глупая гусыня, – резко произнес он.

Тут Персефона не удержалась и пожала плечами, дабы продемонстрировать свое безразличие к его мнению.

– Не настолько я глупа, чтобы довериться тому, кто сначала назначает встречу другу, а потом шныряет вокруг в темноте, словно этому же другу не доверяет. Джек с радостью вас принял бы, даже если бы вы приехали в одном тряпье и без пенни в кармане.

У лорда Калверкоума хватило совести покраснеть. Она говорила об обиде ее кузена, когда тот понял, что друг не хотел встречаться при свете дня, не будучи уверен в его великодушии и отзывчивости. О той июньской полночи, когда Алекс Фортин встретился с герцогом Деттингемом, и в той ночной тьме они узнали друг о друге куда больше, чем предполагали.

Персефона и Джессика поодиночке преследовали друзей при довольно ярком свете луны. Обратное же они возвращались все вместе по заросшей тропинке с манящими зарослями и ночными цветами. Джесс при этом скандалила с Джеком, а Персефона приходила в себя от ужасного лица мужчины, которого помнила еще со школьных времен Джека и Рича: невероятно красивого и высокомерного. Тот всегда смотрел на всех людей так, будто они его постоянно разочаровывали. Этим он действовал ей на нервы. Даже если в тот момент она не кипела бы в ярости при мысли, что он мог подумать, будто кто-либо из Сиборнов может с отвращением отвернуться от его шрамов.

– Меня ввели в заблуждение, – защищаясь, ответил граф, и Персефону не к месту тронуло это неохотное признание в своей неправоте. – Герцогиня посоветовала мне не появляться при свете дня.

– Неужели Джессика так сказала? Нет, она никогда бы не сморозила такую глупость, она не могла заклеить вас за раны, полученные не по своей вине.

– Это вопрос спорный, – с сожалением произнес он.

В Персефоне снова вспыхнула ярость из-за отрицания доброго сердца Джессики и ее особой чуткости к физическим недостаткам, связанной с реакцией светского общества на ее собственную небольшую хромоту.

Тут он поднял руку, предотвращая ее тираду, и произнес:

– Я имел в виду под спорным вопросом вот это, – и указал жестом на израненное лицо и глаз, – если бы я не был таким заносчивым идиотом и повиновался приказам, то никогда бы не попал в плен. Возможно, моя жизнь сложилась бы иначе, если бы я делал, что должен, мисс Сиборн. А вы всегда так отважно бросаетесь на защиту друзей и родственников, если их кто-то смеет критиковать? – поинтересовался он, словно впервые открыв в ней достойную восхищения черту, и затем из чувства справедливости признал: – Не новоиспеченная жена Джека, а его бабушка довела до моего сведения, что мне не следует тревожить своим отталкивающим видом герцога и гостивших в его доме леди. Что до Джека и Джессики, то я не сомневаюсь: как только в обществе станет известно об их доброте и великодушии, появится много желающих получить милостыню. Одна надежда на дурные манеры Джека, они сослужат ему хорошую службу для сохранения в семейном кармане хоть скольких-то гиней, чтобы кормить семью.

– С этим, полагаю, мы справимся, – с печальной улыбкой произнесла Персефона. Конечно, ее практичный, но и мягкосердечный кузен мог растратить баснословные богатства Сиборнов. – Но ведь именно этого и ожидают от вдовствующей герцогини, разве вы не поняли? Если вы до сих пор не сообразили, отчего она говорит подобные вещи, то вы еще больший недотепа, чем я посчитала той ночью.

– Она – ваша бабушка, – ответил он так, словно это все объясняло.

– Каждый несет свой крест, – просто сказала Персефона.

Сама она старалась не встречаться с известной своей грубостью старой леди. Та терроризировала и обоих сыновей, и их жен, и своего мужа. Даже когда ее муж скончался, ненависть к нему не угасла, напротив, только усилилась. И поскольку вдовствующая герцогиня не желала отдавать главенствующую роль в семье своей невестке и не хотела влачить существование во вдовьем доме Эшбертона, она проживала либо в лондонском особняке на Ганновер-сквер, либо в своем величественном доме недалеко от Бата, который она унаследовала от отца-набоба.

Вынужденная произвести стратегическое отступление, вдовствующая герцогиня больше не хотела обсуждать дела в Эшбертоне или на Гросвенор-сквер в Деттингем-Хаус – к вящему облегчению своих сыновей. Во всяком случае, так было до тех пор, пока не пошли слухи, что Джек каким-то образом выгнал из дома брата Персефоны Ричарда. После этого вдовствующая герцогиня провозгласила – Джеку пора жениться, и прибавила: если он произведет на свет прямых наследников титула, то снимет эту обязанность с Рича. Никто не мог точно сказать, разозлил или нет надменную герцогиню Джек, ведь он по уши влюбился в Джессику Пэндл. Старая леди отчего-то выглядела довольной, словно все шло так, как она планировала. Хотя с этой коварной драконихой всегда следовало быть начеку.

– По крайней мере, вы очень близки со своей семьей. Это большая удача, – прервал лорд Калверкоум ход ее мыслей, самой неприятной из которых была о том, что бабушка всем кажется почти всесильной.

– Иногда это больше похоже на проклятие, чем на удачу, – ответила Персефона, стараясь не сочувствовать одиночеству человека с таким могущественным титулом.

– Я тоже готов осыпать вашего брата проклятиями.

– Если бы вы при этом нашли его живым и здоровым, я могла бы к вам присоединиться.

– Из ваших слов следует: вы готовы подвергнуть себя опасности ради хоть малейшего шанса его отыскать, или я ошибаюсь?

– Конечно готова. Пусть он и вызывает у меня желание надавать ему тумаков, я все равно его очень люблю. Он мой старший брат, лорд Калверкоум, но даже в лучшие времена он доводил меня до бешенства.

– Только это не означает, что вы непременно должны его любить, мисс Сиборн. Не припоминаю, чтобы хоть такие чувства были между мной и моим сводным братом, или между моим отцом и его старшим братом. Для нас, Фортинов, соперничество за такую никчемную

вещь, как титул, намного важнее братской любви. Даже когда речь идет о владениях, которые за время распри дошли до плачевного состояния.

– Если вы выросли в такой сопернической атмосфере, неудивительно, что вы не понимаете, насколько сильные чувства мы в семье питаем друг к другу. Полагаю, ваш пример доказывает: нам в этом повезло.

– Или что ваша семья намного добрее и великодушнее, чем моя.

– Даже не думала подобное предполагать, – невинно ответила Персефона и с удивлением заметила: в его глазах вспыхнули веселые искры, будто он захотел совершить что-то очень и очень глупое.

– Моя племянница Аннабель не урожденная Фортин, возможно, это объясняет мою к ней привязанность, – задумчиво произнес он, будто рассуждал сам с собой, а не доверялся ей. – Я обязательно должен ее отыскать или хотя бы узнать, что с ней случилось в то время, когда я был слишком далеко. Аннабель – единственный ребенок моей кузины Алисии и ее мужа, морского капитана де Морбарая. Они вместе бороздили моря, а когда настала пора дать девочке образование, привезли ее в Пенбрин, а сами вновь отправились в плавание.

Персефоне было известно: племянница графа Калверкоума юная Аннабель исчезла в то же самое время, что и ее брат Ричард. Это открытие и заставило графа появиться в полночь в Эшбертоне. «В воспоминаниях о той ночи нет ничего личного, – оправдалась она перед самой собой. – Этот противоречивый мужчина ничуть меня не интересует, только необходимо удостовериться, что с Ричем все в порядке. Вдруг поиски графа помогут мне в этом?»

– Пенбрин – это поместье вашего отца? – заинтересовалась Персефона.

– Нет, матери, – ответил он. Его взгляд стал рассеянным, словно он пытался вызвать в памяти ее образ. – Мой отец, скорее всего, и женился на ней потому, что она была наследницей замка Пенбрин. А старший брат отца не имел уэльского замка и очень завидовал, что отец живет в таком со своей второй женой. Можете себе представить, как возненавидел меня дядя за то, что я унаследовал этот замок. Ведь он был старшим сыном, и по его мнению, это он должен был все унаследовать – и не важно, что он не имел никакого отношения к моему покойному деду по матери, графу Трегарону.

– Если этот замок ваш, то почему вы решили пойти в армию и отправились в Индию?

– Разве мы еще не обсудили, что я – идиот, мисс Сиборн? – с кривой улыбкой спросил он.

У Персефоны от этих слов замерло сердце: таким юным и почти привлекательным стало его лицо. Этого ни за что нельзя допустить! Она легко справится с человеком, озлобившимся на все и вся; без труда вытерпит колкости высокомерного и замкнутого лорда, ведь сейчас он вызвал у нее воспоминание о том девичьем восхищении и трепете. Но сейчас этот сложный человек заставлял ее желать того, что никто никогда не одобрит.

– По условиям завещания я не мог вступить в права наследования ранее двадцатипятилетнего возраста, – продолжал тот. – До того времени всеми делами обязан был управлять законный опекун, коим после смерти отца стал мой сводный брат. Я не в силах был смотреть, как он растрчивает мое наследство, и решил: пусть уж лучше нас разделят тысячи миль. Иначе я не устою перед искушением и задущу его прежде, чем придет мое время.

– Неужели остальные попечители могли вот так смотреть, как он разрушает ваше будущее?

– Ничего не предпринимать было проще, чем спорить или привлекать его к ответственности по закону, – с сожалением ответил он.

– Труссы! – яростно воскликнула Персефона и с удивлением заметила: взгляд его глаз потеплел.

Но граф быстро овладел собой.

Глава 3

Лорд Калверкоум равнодушно пожал плечами:

– Мой брат уже умер, мисс Сиборн. А закон категорически не позволяет привлекать к суду мертвецов.

– По крайней мере, он не унаследовал прилагавшиеся к вашему титулу поместья, – утешила она его, но не слишком успешно.

Граф скорчил неприязненную гримасу.

– По вине моих предков они и так уже были основательно разорены. Если бы не доходы от владений моего деда, которые даже моему брату Фарранту за пять лет его попечительства не удалось пустить по ветру, я уже был бы в долгах у всех ростовщиков с Грик-стрит ради только жалования работникам своего нового поместья. Про выкуп закладных я уж не говорю.

– Ваши предки, похоже, были очень расточительны, – заметила Пер се фона. – Как можно столь бездарно промотать такие богатство!

– Да, вот что случается, когда ревность и высокомерие идут впереди любви и обязательности. Ветви нашего семейного дерева постоянно вели меж собой судебные сражения, и исключительно ради того, чтобы что-то кому-то доказать. У вас, Сиборнов, более практичный подход к наследству, о котором они к тому же хорошо заботятся.

– Так странно, что первый сын герцога должен вставать в очередь на получение титула.

– Да, это действительно странно, мисс Сиборн.

– Ваша мать, должно быть, пришла в ярость, когда поняла, что оказалась в центре мелочного соперничества и семейных распрей.

– Моя покойная матушка примерно через год после моего рождения сбежала в Неаполь с каким-то поэтом и спустя несколько лет умерла в Риме от сыпного тифа. Сильно сомневаюсь в ее волнениях относительно моей судьбы. Она откровенно не выносила отца, но перед отъездом с любовником все равно препоручила меня его «заботе».

Он произнес это так по-деловому сухо, что у Персефоны едва не навернулись слезы при мысли о том одиноком мальчике. Но этот мальчик повзрослел, и теперь граф Калверкоум ясно показывал, что не нуждается ни в чьей жалости и слезах.

– И с кем же вам осталось в семье ссориться?

– В этом-то и заключается самая прелесть: насколько мне известно, кроме двоюродного бездетного деда, который категорически отказывается поддерживать со мной отношения, я – последний представитель нашего рода. Фортины досудились до того, что скоро полностью канут в небытие.

– Я полагаю, у вас вполне хватит времени на исправление ситуации, – сказала Персефона.

Ей представилось, как он начинает обустривать детскую комнату сразу после свадьбы с какой-нибудь невинной бедняжкой. Эта картина отчего-то вызвала у нее дрожь – и это в тихом уголке сада в летний жаркий вечер!

– Нет, кажется, мы уже закончили свой забег, – ответил граф, и его лицо приняло отстраненное, даже холодное выражение.

С языка у нее так и просились сотни очень личных вопросов, и он, должно быть, это почувствовал и понял: нескромный, возмутительный поток ей едва удастся сдерживать. Строгое выражение лица смягчилось, заиграла насмешливая улыбка, которую она уже начала ненавидеть. Все ее сострадание тут же испарилось, будто туман на ярком солнце.

– Мои мучители совершили ошибку, когда приберегли эту пытку напоследок, да так и не исполнили – то ли времени не хватило, то ли возможности. Так что, мисс Сиборн, на этом фронте вам придется ограничить свое неблагоприятное воображение.

– Не понимаю, о чем вы говорите, – сдержанно сказала она.

– О, не надо, дорогая. Я предпочитаю ваше откровенное любопытство, а не бездушную светскость представительниц слабого пола. Не разочаровывайте меня, не превращайтесь в такую же сладкоречивую леди. Я их обхожу за полмили.

– Если вы избегаете благопристойных леди, полагаю, мне есть смысл отполировать кокетливую улыбку.

– Пусть это будет преступлением против вашей энергичной натуры, но так вы, по крайней мере, не станете мешать мне, пока я ишу вашего брата и свою подопечную. Не представляю, чтобы столь воспитанная леди принялась бы жаловаться и возмущаться просто так, разве что на нее грозила бы напасть целая рота злодеев. Если вы сможете поскорее превратиться в такую леди, я встречу это с огромным облегчением.

Персефона испытала сильнейшее желание вылететь вон, и пусть он думает о ней что хочет; она все равно сама попытается найти Рича! И сдерживала ее лишь печальная уверенность: одна она далеко не продвинется. Леди ее положения связана условностями по рукам и ногам, ей необходима помощь мужчины со средствами и властью, чтобы пройти или обогнуть неизбежные в таких случаях препятствия.

– Что бы обо мне ни думали, лорд Калверкоум, я не брошу это дело, пока не выясню, где мой брат и из-за чего он так тщательно скрывается от своих родных. Как бы Ричард ни заставлял нас переменить к нему отношение, мы все равно его любим, – собрав остатки ледяного достоинства, произнесла она.

Теперь можно было и уйти. Но граф смотрел на нее с таким привычным недоверием, будто собирался пойти следом и схватить на глазах у всего честного народа. Она предполагала: ради того, чтобы убрать ее с пути и беспрепятственно заниматься поисками драгоценной подопечной и Рича, граф мог пойти напрямик к леди Мелиссе и предупредить, что ее дочь намерена отправиться на поиски своего блудного брата.

– Теперь я, по крайней мере, знаю: мое первое впечатление о вас было верным, – пробормотал он и сильно нахмурился, словно от желания хоть раз в жизни оказаться неправым.

– Я из семьи Сиборн. Чего еще можно от меня ожидать? – с презрением бросила она.

– Возможно, немного здравого смысла и чуть побольше благовоспитанной сдержанности, – ответил он слегка извиняющимся тоном, словно понимал, что хочет чересчур много.

– Это может стать вашей ошибкой, милорд. Не моей.

– Я уж вижу. Но неужели вы действительно готовы пойти на риск и допустить, чтобы ваша несчастная матушка потеряла еще одного своего ребенка? Скорее всего, по вас она тосковала бы не меньше, чем по старшему сыну. Впрочем, будь на ее месте, я принял бы ваше отсутствие как должное, – произнес он в ответ. Несомненно ему очень хотелось потрясти Персефону, но все-таки он сдержался.

– Ричард и я очень любим нашу мать, хоть вашему пониманию это и недоступно, – заявила девушка и успокоила свою совесть тем, что это не запрещенный удар, ибо сама ситуация позволяет выйти из нее без потери достоинства.

Нет, он не победит ее в споре. Она не доставит ему такого удовольствия, обуздает сиборновский темперамент, который она во всем объеме унаследовала от страстного, подчас неумного родителя. Ей не нужно восхищение или одобрение этого высокомерного графа. Но она и не могла допустить, чтобы он отмахнулся от нее как от слабой женщины.

– Верно, недоступно, – признал он. – Однако у меня есть воображение, чего явно не хватает вам. И этот проклятый дар мне подсказывает: отправившись на поиски, вы рискуете угодить в такую же ловушку, как и Рич, окажетесь в полном одиночестве в кругу врагов. И если попытаетесь взять след, где я его бросил, то потеряете все – здоровье, безопасность и даже рассудок. Для благородной леди это ужасная опасность.

– Откуда вам знать? – возмутилась она, обиженная до глубины души его самоуверенностью.

– Вы действительно спрашиваете об этом меня, бывшего солдата? Вы настолько наивны, что готовы броситься в эти смехотворные поиски и надеетесь перехитрить и своего брата, и его врага, от которого они с Аннабель столько времени вынуждены скрываться? Насилие и порабощение – вот главное военное оружие, мисс Сиборн. Молитесь, чтобы вам никогда не довелось увидеть захват и разграбление побежденного города или оказаться перед торжествующим врагом. – Он замолчал, вероятно, перед его мысленным взором замелькали ужасающие картины страшнейшего калейдоскопа, какой только можно представить.

Персефона заколебалась. Конечно, надо держаться подальше от любых битв, как того и хотел граф, но ее внутреннее убеждение в необходимости заняться поисками брата и наконец вернуть его домой побеждало. Временами она буквально кожей чувствовала: Рич в беде. Для остальных родных его нынешняя судьба оставалась тайной за семью печатями. Нет, она все равно должна найти Рича, даже если это означало потерять то неуловимое и невозможное, что витало между ней и этим мужчиной. Персефона печально покачала головой и, встретившись взглядом с графом, к своему ужасу, увидела в его глазах почему-то извинение, поэтому спросила:

– Вы отказались бы от поисков своей подопечной, если бы кто-то вас предупредил об опасности и попытался остановить?

– Нет, но я мужчина и бывший солдат. Просто попытайтесь взглянуть дальше своего носа и представить то, что озлобленный враг сделает с прелестной сестрой человека, которого он желает сломить. Враги Рича с радостью вцепятся в такой изумительный козырь. Лучше соберите оставшиеся крупички здравого смысла и останьтесь в стороне, пока я их обоих выслеживаю.

– Вы вольны поступать, как вам заблагорассудится, милорд, – ответила Персефона максимально равнодушным тоном, хотя близость этого человека безумно действовала ей на нервы.

Неужели он полагает, что она, как принцесса из сказки, будет терпеливо ожидать, пока принц убьет всех чудовищ и вернется за ней? Девушку расстроило не его желание видеть ее совсем другой, а скорее его непонимание, что под прекрасной светской оболочкой скрывается настоящая сильная Персефона Сиборн.

– И вы сделаете то же самое? – произнес он так, словно хотел как следует встряхнуть ее.

– Я должна, – спокойно ответила она.

– А я стою на том, что вы категорически ничего не должны.

– Ах, лорд Калверкоум, на вашем месте я бы тоже не понимала, как кто-то может действовать по-своему, без моего вмешательства.

– Ерунда, – грубо ответил он, но посмотрел на нее понимающе: она права. И от этого было только хуже.

В душе Персефоны что-то перевернулось, почти смягчилось, но она не хотела признаться даже самой себе, ибо это породило бы в сердце ужасный хаос. Вот почему она отказывалась принять очевидное обстоятельство – вместе они добились бы гораздо большего успеха, чем порознь.

– Когда женщина оказывается опасно близка к победе, мужчины всегда воспринимают ее слова как ерунду. Интересно, с чего бы это? – задумчиво произнесла девушка, изо всех сил стараясь скрыть свои страхи и сомнения за независимой улыбкой.

– Не знаю, – ответил граф с явным преодолением внутренней борьбы. – Действительно, женщины иногда несут такую нелогичную околесицу, что сводят мужчин с ума. А еще женщины используют любое оружие и возможность, только бы не признавать мужчину правым.

– У вас очень странное мнение о представительницах моего пола, милорд, – мило парировала она в надежде хотя бы сегодня лишить покоя своего противника.

– Должен признать, по причине своей невоспитанности и заниженных ожиданий я нахожу большинство леди глупыми и заносчивыми. Ваш случай я считаю несуразным своеволием,

хотя, возможно, ваша семья слишком многого ожидает от представителей обоих полов. Ваши младшие сестры ведут себя с большой сообразительностью и изяществом, так что едва ли следует винить ваших родителей за ваши необдуманные поступки.

– Да, Пенелопа и Хелен – очень милые девочки. Вам не удастся вбить между нами клин, даже если будете превозносить их и принижать меня. Остается вас только пожалеть, милорд, ведь у вас не было братьев или сестер, с которыми можно отправиться хоть на край света, – ответила Персефона. Она хотела продемонстрировать графу целеустремленность и решимость встретиться лицом к лицу с неведомой силой, готовой на что угодно, лишь бы родные никогда больше не увидели Рича живым.

– Вы пожертвуете своим душевным равновесием, личной безопасностью и репутацией. Эта жертва может оказаться совершенно напрасной. Ричу, скорее всего, это никак не поможет. Представьте, каково ему будет, если он узнает о ваших попытках перехитрить врага, от которого столько времени прячется, – произнес граф. Он судорожно рукой взлохматил волосы на голове и принялся вышагивать взад-вперед по тропинке, словно для него это был единственный способ удержаться и как следует не встряхнуть девушку.

– Возможно, вы удивитесь, но я это вполне понимаю, – спокойно ответила Персефона.

– И вам все равно? Вы этим настолько увлечены, что готовы поступить по-своему, невзирая на возможные несчастья для остальных?

– Вам-то от этого хуже не будет, милорд. Вы явно не питаете ко мне приязни и совершенно равнодушны к моей судьбе.

Отчего-то ее слова заставили его остановиться, прекратить эти метания тигра в клетке. Он повернулся и уставился на нее так, словно она обвинила его в каком-то ужаснейшем преступлении.

– Возможно, я вам и не симпатизирую, но это не означает, что я не могу о вас волноваться – ясно же, у вас упрямство ослицы и разум маленького кутенка. Вам нужен человек, не ослепленный вашими чарами и совершенными прелестями. Тот, кто поймет: внутри у вас сердце чертовки.

– То же самое можно и о вас сказать, – безжалостно парировала она, и у нее появилось ощущение, что сейчас рухнуло нечто, ранее казавшееся очень многообещающим, просто лопнуло, подобно воздушному шару.

– Ха! – вырвалось у него, и он снова принялся ходить взад-вперед, правда, сейчас его мягкая поступь больше напоминала дикого леопарда, а не разозленного тигра. Его мысли явно занимало не бедственное положение Рича, а недостатки его сестры. – Мы с вами ничем не похожи. Ни капли. Ни в каком смысле, – категорично произнес он и пнул перекосившийся в поребрике садовой дорожки камень, тут же чуть не скривился от боли, оказалось, тот сидит крепче, чем кажется.

– Ну, кое-что общее у нас точно есть, – с сарказмом начала Персефона и сложила на груди руки, ибо ей очень хотелось подойти к нему и заставить прекратить сию разрушительную для дорожки деятельность. – Как минимум ужасный характер.

– Мой характер испортился не без причины, а вот вам ничего не стоит привести в бешенство целый полк без особого труда.

– Нет, ничего подобного, – заспорила она исключительно из чувства противоречия, ибо знала: так и есть. – Мне даже не удается докричаться до тупоголовых и упрямых представителей мужской части общества, их глупость явно родилась раньше, чем они сами.

– Да, но они уже достаточно молчали и выслушивали слова подобные вашим, Персефона. – Он произнес ее имя несколько извиняющимся тоном, словно хотел смягчить нелюбезность слов в ее адрес.

– И почему они это делали? – требовательно спросила она, опустила руки, чтобы сжать кулаки и притвориться, будто он не прав.

– Потому что вы прекрасны, как дюжина богинь вместе взятых, – ответил он и криво улыбнулся, якобы признаваясь в собственной глупости.

И ей почти захотелось превратиться в одну из пугливых дамочек, так восхищавших его.

– Только если бы я имела дюжину рук и ног, то непременно поколотила бы вас, – парировала она и едва не засмеялась.

– Вам меня не одолеть, – серьезно сообщил он.

О, каким же он становился искушением, когда внезапно превращался в беззаботного и неотразимого мужчину! Таким первоначально создала его сама природа.

– Может быть, но я все равно с радостью это сделала бы, зная, что вы пострадаете больше меня, – ответила Персефона. Она не позволит смягчить ее боевой дух!

– Держу пари, в детстве вы были маленьким дьяволенком и набрасывались на каждого, кто пытался вам что-то запретить на одном основании, что вы родились девочкой, – задумчиво произнес граф.

Персефона осознала: он опасно близок к пониманию ее натуры. Его острый ум вот-вот обнаружит: ее невозможно очаровать или уломать гневными выпадами и сильным напором. И к тому же в большей степени он прав. При каждой встрече они ссорились так, что летели искры, но он вполне понимал причину: из-за того, что она родилась женщиной в мире, где всем заправляют мужчины. Это отчего-то странно обезоруживало.

– Прошу, не считайте, что я с тех пор сильно изменилась, лорд Калверкоум, – произнесла она в некотором замешательстве.

– Тем не менее если бы вы родились не божественно красивой женщиной, а одним из ничемных созданий мужского рода, я считал бы это настоящим позором. Это лишило бы меня удовольствия лицезреть вашу красоту, мисс Сиборн, – произнес он довольно ровным тоном, словно они болтали о пустяках.

– Я – не холодное изваяние с красивым личиком, чтобы на меня глазели, как на ту статую, лорд Калверкоум. Я, как и все земные существа, имею свои недостатки, мечты и надежды.

– Это не мешает прочим грешным созданиям быть уверенными в том, что смотреть на вас – одно удовольствие, дорогая мисс Персефона Сиборн, – спокойно ответил он и, подойдя к ней вплотную, посмотрел таким взглядом, словно хотел узнать все скрытые в ее душе тайны, все до единой.

– Будь я столь же дерзка и груба, как вы, Александр Фортин, я бы сказала, что вы даже не пытаетесь внимательно посмотреть на самого себя, – возразила она с такой естественностью, как будто леди обязаны рассыпать комплименты джентльменам.

На мгновение он смутился, слова ему польстили, но затем он явно вспомнил о шрамах и поврежденном глазе, тогда на его лице явственно проступила обида – как будто она посмеялась над его испорченной, по крайней мере в собственных глазах, красотой.

– Я помню вас с детства, – мягко произнесла она, когда он дернулся и попытался отстраниться. Но она только придвинулась ближе, посмотрела ему прямо в глаза и заговорила серьезно: – Рич и Джек тогда переходили из Итона в Оксфорд, а вы были гордым, высокомерным и греховно прекрасным юношей. Вы получили чин и щеголяли в своем алом мундире, и школьницы вроде меня замирали от восторга, теряя остатки разума. С моей точки зрения, вы сейчас намного красивей и куда менее самодовольны.

– В таком случае разум к вам до сих пор не вернулся. – Он изрек это так, словно считал недопустимым ее признание в страстно-благоговевой детской влюбленности в него, тем более что она и видела-то его всего пару раз, да и то в моменты работы над домашними заданиями.

– Лорд Калверкоум, я уже не девочка-школьница, которую легко очаровать дерзкими манерами и всезнающим взглядом, – чопорно сообщила она, хотя в глубине души совсем не была в этом уверена.

– Если вы положили на меня глаз, когда я только окончил школу, то едва ли мой взгляд был таким всезнающим, как вам в то время казалось, – отвечивал он и этим снова ее обезоружил.

– Вы в любом случае знали больше меня, – подчеркнула Персефона.

Об этом можно было говорить вполне уверенно, ибо Алекс с Джеком были одного возраста, а значит, граф на восемь лет ее старше.

– Хотя вы этого и не признавали.

– В то время не признавала, – согласилась она.

– Как и сейчас, – спокойно произнес он.

Что ж, она сама вырыла себе эту яму, так что нечего винить его за удачный выпад.

– С тех пор как мы обратили внимание друг на друга, прошло девять или десять лет, лорд Калверкоум. Я за это время многому научилась.

– В таком случае вы наверняка подготовились и к покорению вершин светского общества. Полагаю, опытная девушка с тремя, если не четырьмя сезонами за плечами, но по-прежнему незамужняя, должна произвести фурор, – высказал он свое наблюдение.

Но Персефона не собиралась признавать данный напрашивающийся вывод, который раньше слышала лишь от своих немногочисленных светских врагов.

Она понимала: граф намеренно воспользовался ее вспыльчивостью, чтобы установить дистанцию, но для нее это оказалось намного большее, чем она предполагала. Он коварно ухватился за возмутительную мысль, что она могла бы значительно улучшить свое положение просто respectable молодой леди удачным браком. Еще и напомнил, что, если она так и будет отказываться выходить замуж, светское общество однажды начнет высмеивать ее за все: за красоту, за родовитость и за удобное положение сестры и дочери. За такие слова он точно заслуживал пощечины, но она не желала поддаваться на провокацию и только отпрянула.

– В действительности только три сезона, милорд, и это совсем не означает мою нужду в любовнике или крайнее отчаяние выйти замуж. Имейте в виду: к мужчине, который может стать моим супругом, у меня очень высокие требования.

На самом деле она только хотела, чтобы ее полюбили со всей страстью, и самой однажды так же страстно полюбить в ответ – не важно, в замужестве или без него.

– Полагаю, вы сформулировали требования после флирта с различными холостяками и проверки их соответствия вашему идеалу. Я вполне могу догадаться о чертах этого идеала. Бедняга должен иметь достаточное состояние, чтобы обеспечивать вам соответствующую жизнь. Кроме того, в ваших жилах течет кровь гордых герцогов. Сомневаюсь, что столь красивую и разборчивую леди манит перспектива стать женой какого-нибудь знатного старика. Значит, ваш избранник должен быть прекрасен, как античный бог, надменен, словно римский патриций, иметь отличное образование и обязан обладать всем на свете, кроме красавицы-леди. Ему следует быть отличным всадником или, по крайней мере, к тому стремиться, ибо вы слышите хорошей наездницей, хорошо разбираетесь в лошадях. В общем и целом он должен быть полным совершенством. Я прав? Неудивительно, что вы столько времени не можете отыскать достойную себя пару. Такой идеальный образчик встречается раз в сто лет.

– И даже реже. Я сильно удивилась, если бы такой вообще хоть когда-то существовал. Господи, неужели вы действительно полагаете, что можете читать мои сокровенные мысли, как открытую книгу? Я скорее останусь старой девой до конца жизни, чем буду так цинично и хладнокровно подыскивать себе мужа. И если именно так вы обо мне думаете, прошу вас больше ко мне не приближаться. Ради нашего же обоюдного блага.

«Это безусловно должно мне помочь», – мелькнуло в ее голове. Тут она услышала его сердитое бормотание, как будто ему стало неприятно дышать с ней одним воздухом.

– Считайте, что мы договорились, – легко заявила девушка и хотела уйти как ни в чем не бывало.

– Как бы я хотел! Но я не могу, – выдохнул граф, хватая ее за руку.

Это огненное прикосновение обожгло ее и заставило замереть на месте.

– Сейчас же отпустите мою руку! – прошипела она со всей яростью, на какую только была способна, хотя в голове буквально зазвенело от его близости.

– С радостью отпустил бы, если бы только был уверен, что вы дисциплинированно вернетесь под крылышко матушки и дадите мне спокойно искать мою подопечную и вашего брата.

– Считаете, моя мать хотела бы именно этого? Если существует хоть какой-то шанс нам отыскать Рича и вернуть его в родной дом, мы сделаем это. Или вам кажется, мать не тоскует без него дни и ночи? Должно быть, вы судите по той безмятежности, которую она демонстрирует всему свету. Наверное, вы воображаете, что леди Сиборн очень поверхностна в своих чувствах либо мало знает о том мире, что простирается за пределами безопасных владений Сиборнов. Со времени отъезда Рича и дня не проходит, чтобы моя мать не плакала, лорд Калверкоум. И она испытывала бы то же самое, если бы исчез любой из ее детей. Мой старший брат – ее первенец, дитя, зачатое в первой страсти. Он всегда был и будет для нее особенным. И, предупреждая ваш вопрос, сразу отвечаю: я не ревную к той крепкой связи между ними.

– Вы такого плохого обо мне мнения? – В его глазах как будто мелькнула боль за столь резкий комментарий к его предполагаемым мыслям.

– Я лишь отвечаю на вопросы в ваших глазах, когда на меня смотрите, милорд.

– То, что вы видите, появилось не по моей воле, – с какой-то горечью ответил он, словно мутный рубец на глазу беспокоил его намного сильнее, чем предполагали его высокомерные манеры и его посылающий к черту взгляд.

– В чем вы меня обвиняете? С той ночи, как вы прибыли в Эшбертон и мы встретились лицом к лицу в лунном свете, вы только и делаете, что на меня рычите.

Он посмотрел так, словно уже забыл, что она была там ночью, и воспоминание о той встрече его не порадовало.

– Вы, безусловно, колючка в моем боку, мисс Сиборн. И еще опасный раздражитель. С той ночи вы все время нападаете на меня с упреками и оскорблениями.

– Естественно. Вы тогда схватили меня, как мешок картошки.

– И это до сих пор вас терзает? Что ж вы за истинная богиня, мисс Сиборн, если ожидаете от лиц противоположного пола круглосуточного почтительного благоговения, а сами позволяете себе такую агрессию.

– Достаточно, милорд. С меня хватит ваших бессмысленных аргументов и иррационального предубеждения против женщин. Я отправляюсь к своим родным. Без сомнения, мы еще встретимся за ужином, вне зависимости от моего желания, – нелюбезно произнесла она, выдержала свою руку и ушла с видом оскорбленного величества.

Глава 4

– Что ж, это о многом говорит, – печально пробормотал Александр Фортин.

Конечно же он помнил ту июньскую ночь в лунном свете. Он явился с желанием излить гнев на голову Джека Сиборна за то, что его блудный кузен похитил Аннабель. В то время его переполняли безумные планы лично отомстить Ричарду Сиборну и спасти свою беззащитную племянницу. Ему даже в голову не приходило такое: это она бросилась в побег, а Рич со свойственной ему дурацкой галантностью просто отправился с ней вместе.

Теперь он понимал: желание отомстить проистекало из перенесенных ужасов и страданий жестокой войны, где не было победителей – глупая, смехотворная идея, призванная залечить черную рану в его душе. Он слишком нуждался в Аннабель и ее способности любить тех, кто этого недостоин. Он не хотел разбираться по существу – отчего она убежала и что ее на это подвигло. Однако встреча с Джеком в так называемой греческой часовне у озера его встряхнула и заставила вернуться к реальности. Друг вел себя настолько привычно и местами высокомерно, что Алекс осознал: не Джек, а он сам изменился и превратился черт знает в кого.

Пытки фанатиков чуть не довели его до безумия, затуманили разум и наложили отпечаток на все поступки. Да неужели он это допустил?! Отсутствие племянницы лишило его возвращение домой всякого смысла, ибо его встретили только старые слуги. Но он все равно должен понимать: Рич не сбежал бы с невинной девушкой, каковой была Аннабель. Ясно – у них была серьезная причина, чтобы исчезнуть, и она не потеряла актуальности даже спустя эти три года. Может, он вообще зря подозревал своих друзей, надо было искать настоящих врагов?

Аннабель обладала искренней и любящей душой, солнечным, сияющим оптимизмом и независимым духом – черты, должно быть, унаследованные от другой половины семьи, не от Фортинов. Она не оставалась бы с Ричем так долго, если бы сама этого не хотела. В этом состояло главное затруднение. Если бы Рич знал, какую страсть Алекс Фортин испытывает к Персефоне, он наверняка заподозрил бы, что таким образом Алекс пытается отомстить за похищенную невинную Аннабель. В общем-то Алекс вполне мог бы скрыться ото всех в Пенбрине и постараться забыть прекрасную тезку богини. Впрочем едва ли бы он это смог. Но ему приходилось рисковать оставшимися у него крохами душевного равновесия, чтобы удержать Персефону от опасных поисков сбежавшей парочки.

Алекс даже намеревался предложить ей отправиться на поиски вместе в надежде на ослабление своей страсти к ней, если Персефона пустится в путь с ним по собственной воле. Он ничем не отличался от идиотов, сгорающих от желания приблизиться к недоступной мисс Сиборн, и не имеющих на это смелости, они только и могли что взирать на нее с дальнего конца наполненной людьми гостиной. После сегодняшней встречи она будет избегать его, как проказу, и проведет ближайшие недели под крылышком своей матери. Джек же станет наслаждаться медовым месяцем, а самому Алексу предстоит вдоль и поперек исколесить просторы Британии в поисках Ричарда и Аннабель тайно, стараясь не показываться на глаза их врагам.

Что-то подсказывало ему: мисс Сиборн вот-вот бросится в какую-нибудь безрассудную авантюру, и тогда спасти придется уже не двоих, а троих. А если постараться увлечь ее игрой в «кроткую леди»? Представив, в какие передрыги она может попасть, если не удастся ее отвлечь, Алекс содрогнулся и решил: не следует завтра на рассвете отправляться в путь, не взглянув напоследок на семейство Сиборн, чтобы удостовериться в их безопасности. Сейчас в тихом саду он раздумывал: как ему удержать молодую одинокую леди от попыток половчее заскочить в львиное логово. В какой-то момент он поймал себя на мысли, что неплохо было бы создать в своем уэльском доме уютный уединенный уголок для своей жены. Будущая жена сумеет превратить заброшенный замок Пенбрин и прочие обветшалые родовые поместья в более пригодные для жизни красивые жилища.

Да черт побери, он вообще-то не желает жениться! Еще не успев вступить на родную землю, Алекс твердо решил: проклятый род Фортинов умрет вместе с ним. Его семья держалась на жадности, ревности и ненависти, а вот людей клана Сиборнов связывали любовь, великодушие и сплоченность. Аннабель должна была унаследовать все, что осталось бы после него. Когда же Алекс вернулся домой, то обнаружил, что судьба сыграла с ним последнюю злую шутку – оказалось, он унаследовал титул графа Калверкоума, а его племянница исчезла, и никто не знает, где она. Все надежды на хоть какое-то будущее растаяли.

Он не хотел и думать, что потерял Аннабель навсегда – она была единственной его надеждой на возрождение прогнившего рода. Надо было во что бы то ни стало ее отыскать, а не тешить себя призрачной надеждой на счастливую семейную жизнь с какой-нибудь испорченной светской леди. Иначе потом придется смотреть, как все рушится, а она смеется ему в изуродованное лицо.

– Где это ты пропадала, Пер? – на всю комнату спросила мисс Хелен Сиборн.

Персефона же прилагала большие усилия, чтобы как можно незаметнее вернуться в поредевшую толпу гостей и сделать вид, будто вовсе не уходила. Проклиная про себя младших сестер и их нетерпеливые язычки, Персефона с притворной небрежностью пожала плечами:

– Я выходила в сад подышать свежим воздухом, моя дорогая сестрица. День был насыщенным, и мне нужно было побыть в тишине и собраться с мыслями. А если ты еще раз посмеешь назвать меня Пер, то и я стану звать тебя Хел, и мы поссоримся, – яростно произнесла она.

– Ничего подобного вы не сделаете, – прервала дочерей леди Мелисса и посмотрела таким тяжелым взглядом, который не выдерживал никто из ее детей. – Сегодня особенный день, и я не допущу, чтобы вы ссорились, как базарные торговки, когда Джек и Джессика не могут вас видеть.

– Если они вместе, то вообще никого, кроме друг друга, не видят, – вставила мисс Пенелопа Сиборн, в ее голосе явственно звучала неприязнь к такой привязанности.

– Именно так и должно быть, если люди глубоко любят друг друга, Джек и Джессика яркий тому пример, – ответила ей мать и понимающе улыбнулась в ответ на гримаску дочери. – Однажды ты сама поймешь, моя дорогая, – добавила она и засмеялась.

А Пенелопа с отворачиванием содрогнулась и страстно воскликнула:

– Никогда!

– По-моему, им очень повезло. Я бы хотела влюбиться хоть наполовину так же сильно, как Джесс. Хотя не совсем понимаю, зачем это надо, – заявила пятнадцатилетняя Хелен, еще без взрослой романтичности чувств, но уже без подлинной откровенности девятилетней Пенелопы.

– Ты имеешь в виду влюбиться в Джека или вообще в мужчину? – спросила Персефона, явно заинтересованная направлением мыслей своих младших сестренок. Они на глазах взрослели, а она даже не успела к этому подготовиться.

– Конечно же в Джека. Он в общем-то хорош: герцог, баснословно богат, внешне не уродлив. Но это же Джек!

– Правда, – вполне серьезно согласилась Персефона. – И хотя Джессика знает его целую вечность, она все равно считает: для нее он зажигает звезды. Не зря говорят: «Любовь слепа».

– Вот подожди, сама влюбишься и тогда мне расскажешь, каково это – доверять мужчине, – ответила мать.

Слова матери, по мнению Персефоны, прозвучали чересчур серьезно. А через мгновение она возмутилась, почему его светлость граф Калверкоум именно сейчас быстро появился в комнате. Худшего момента и представить себе было трудно. Несмотря на раздражение от поведения графа, она все равно чувствовала: леди Сиборн внимательно за ней следит.

– Вряд ли я когда-нибудь полюблю так же сильно, – задумчиво произнесла Персефона, ее буквально корчило при мысли о любви к такому отъявленному цинику.

– Поверь, дорогая, никакая женщина не может считать себя в безопасности от такого рода безумия, пока не ляжет в могилу, – довольно мягко возразила леди Сиборн, но ее взгляд внимательно изучал лорда Калверкоума.

Персефона подумала: «Я и так была потрясена поступком лучшей подруги – мудрой, здравомыслящей и почти циничной, – но и она скатилась в любовную бездну, став жертвой весьма распущенного Джека». Да еще и сам горе-кузен умудрился влюбиться в Джессику до такой степени, что порой казался буквально околдованным, не в состоянии связать самостоятельно и двух слов. Из-за их сумасшествия Персефона чувствовала: ее уверенность в хладнокровии и безопасности своего сердца серьезно поколебалась. Если уж Джек и Джессика могли так самозабвенно влюбиться друг в друга, значит, от этой заразы никто не может считать себя защищенным.

Ну ладно, почти никто, хотя вдовствующую герцогиню Деттингем она при всем желании не способна была представить влюбленной, даже в дни ее юности. Более абсурдной ситуации, чем бабушка, решающая отдать ради любви все, и представить себе невозможно. Персефона печально улыбнулась при этой мысли и тут же про себя выругалась, ибо вдруг осознала, что по-идиотски ест глазами графа Калверкоума, словно он единственный лучик света в ее жизни. Она обозвала себя дурой, бросила яростный взгляд в его сторону и опять ощутила – по спине стала подниматься холодная струя страха. Граф как будто прочитал ее растерянные мысли и кривой улыбкой понимающе улыбнулся в ответ. Обмениваться с ним столь пронзительными взглядами определенно не стоило, все-таки могли заметить окружающие. Персефона решила теперь смотреть куда угодно, только не на него. Во всяком случае, пока есть шанс на его ответный взгляд.

Наверняка многие женщины из этих мест и до самого Лондона, хоть раз в жизни увидев ангельски-дьявольскую улыбку лорда Калверкоума, потом целыми днями изнывали от желания увидеть графа. Персефона считала себя созданной из куда более прочного материала. Она старалась не задумываться, есть ли у лорда сейчас любовница, та, которая его очаровывает, соблазняет и удивляет. Нет смысла думать, каково приходится этой несчастной под властью столь пылкого и сосредоточенного на ней мужского внимания. Вероятнее всего, граф был настолько скрытен и загадочен, что бедняжке ничего другого не оставалось, кроме как тосковать все дни напролет в ожидании следующей встречи. Тогда чувственный голод заставлял его наконец снова одарить женщину страстью – и так долго, пока она оставалась в состоянии выдержать его неустанное внимание. После чего он вновь возвращался к своему роскошному затворничеству – до следующего раза. Персефона мысленно порадовалась: ей самой никогда не понадобится терпеть мужское внимание, обаяние, ласки в обмен на достойную одежду и пищу, и наградила объект своих возмущенных размышлений взором холодным и уничтожающим. Во всяком случае, она именно таким считала свой взгляд.

На вершине холма, над долиной, где раскинулся Эшбертон, какой-то человек резкими движениями убрал свой телескоп в чехол и со злостью сжал кулаки. Здесь, в полном одиночестве, он мог не скрывать своих чувств. Первый барон, тот, кто построил на этом высокогорном клочке замок Эшбоу, наверняка считал Сиборнов презренными идиотами – их владения просматривались отсюда как на ладони. Но человек знал: это не глупость, а вполне намеренное утверждение власти. Первый из Сиборнов, тюдоровский пират, сколотил свое состояние если не по прямому повелению доброй королевы Бесс², то уж точно под ее флагом. Он построил

² Имеется в виду Елизавета I (1533–1603) – королева Англии и Ирландии, последняя из рода Тюдоров.

свою новую усадьбу на этой стороне долины именно для того, чтобы никто не дерзнул бросить ему вызов в самом сердце его нечестивых владений. И все последующие Сиборны были настолько высокомерны, что считали здесь себя совершенно недостижимыми, но человек с телескопом в состоянии доказать обратное.

И на этой земле, где целые поколения людей сражались за нее прежде, чем ею завладели Сиборны, он, похоже, терпел неудачу. Если враг не желает появляться из укрытия и дать бой, даже такой удобный наблюдательный пункт будет практически бесполезен. Человек тосковал о тех беззаконных временах, когда лорд-соперник и его войско могли победить и уничтожить всех надменных Сиборнов до последнего.

Он глубоко вздохнул, хотел успокоиться и унять мощную безрассудную ярость, которая захлестывала его при мысли, что у него отняли все ему принадлежащее по праву. Человек снова пробрался под защитную сень деревьев. «И зачем было столько времени вынуждать себя любоваться на тошнотворное зрелище *en fête*³ Сиборнов?» – горько заключил он.

Ричард Сиборн снова его одурачил, так и не появившись на свадьбе своего кузена. Он справился с желанием прямо сейчас выместить на чем-нибудь свою злость, вновь изобразил на лице фальшивое спокойствие и беззаботно стал спускаться с холма. Опыт научил его – люди меньше обращают внимания на того, кто идет независимо, в отличие от тех, кто крадется и виновато оглядывается.

«Пришло время пойти в атаку, – решил он. – Три года ждать появления Ричарда Сиборна, так у любого истощится все терпение. Пришло время показать этому неуловимому дьяволу настоящую силу, каково это жить в постоянном напряжении от опасности, угрожающей всему, что для тебя дорого. Надо схватить его судьбу в свои руки».

Вечером того же дня Маркус Сиборн верхом на отличном коне несся по дороге в нетерпеливом предвкушении оказаться в объятиях своей любовницы и воспарить к небесам страсти. Он остро жаждал забыть на время Эшбертона и торопился добраться до милой прелестницы. В свои двадцать три года Маркус был здоров, энергичен и считался в обществе привлекательным, хотя и несколько ветреным молодым джентльменом. Весь мир был у его ног. И вот сейчас он во весь опор уносился от Эшбертона, уже представлял себе красавицу в постели и был счастлив почти как Джек, ставший сегодня новоиспеченным мужем.

Разумеется, кокетливая пухленькая Клэри совсем не походила на Джессику Пэндел. Джесс – это Джесс, другой такой нет. Они вместе выросли, она была для него как сестра, а то он бы определенно приревновал к тому, что у них обещало сегодня происходить с кузеном. Но судьба распорядилась иначе, так что он радовался за них обоих. Сам же Маркус даже не сомневался, что у него еще масса времени для выбора себе той единственной, с которой останется навсегда. С легкомысленным насвистыванием он направлялся к своей последней пассии. В отличие от бедняги Джека ему еще далеко до тридцатилетия и серьезного отношения к жизни.

Он не был таким впечатлительным, как брат Рич, и рос с уверенностью, что титул не сможет затруднить ему жизнь – с двумя-то старшими претендентами! Но все равно самодовольно улыбнулся, вспомнив, как Джек не мог оторвать взгляда и рук от своей новоиспеченной жены. Совсем скоро детские спальни Эшбертона заполонит выводок маленьких Сиборнов. К тому времени, когда он сам достигнет серьезного возраста, в его женитьбе уже не будет срочной необходимости, как было с Джеком в начале этого лета. Конечно, Маркус был свободен – хотя и не настолько, как если бы Рич оставался дома и занимался своими обязанностями. Маркус нахмурился. Может, еще ему повезет и, узнав о свадьбе Джека и Джесс, Рич все-таки вернется и снимет с него, младшего брата, бремя своей ответственности.

Впрочем, все это не имело никакого значения перед встречей с красоткой Клэри, его манили ее роскошное упругое тело и обольстительная улыбка. Красавица жила в ближайшем

³ Радостные, веселые (*фр.*).

городке, довольно бедном, но местное население считало его все-таки цивилизованным. Он с удовольствием предавался воспоминаниям о своей танцовщице, о ее формах, черных миндалевидных глазах... В этих глазах призывно светилось «иди и возьми меня». Маркус ощутил, как сам загорается огнем желания. Он стиснул коленями своего коня серой масти и послал его сначала в легкий, а потом уже и в быстрый галоп. Сейчас, летом, солнце садится поздно. Он прикинул, сколько еще можно скакать до полного заката, и с дерзкой ухмылкой решил: успеет к своей прелестнице до темноты.

– Гивидж, куда ты так торопишься? – поинтересовалась Персефона на следующее утро у обычно уравновешенного дворецкого, который в данный момент несся мимо нее по главной лестнице.

– Мисс Персефона, мне срочно нужно поговорить с леди Сиборн.

– Мама очень утомилась на свадьбе и еще не покидала свои покои, – быстро сообщила она и не отступила в сторону; по ее мнению, не следовало беспокоить мать какой-то проблемой, с которой и сама могла справиться.

– Тогда я не знаю, что делать! – в отчаянии воскликнул Гивидж.

Сердце Персефоны наполнилось страхом от его испуганного взгляда и искривленного рта.

– С чем именно? – резко спросила она.

– Вот с этим. – Он протянул ей лохмотья мужской бобровой шляпы.

Персефона чуть не вскрикнула от ужаса, когда узнала любимый головной убор своего брата Маркуса. Как будто кто-то ударил его по голове дубинкой или, что вероятнее, он сорвался с лошади на всем скаку. Последнюю мысль она постаралась сразу откинуть, ибо сомневалась в способности крепкой головы брата без серьезных последствий пережить такое падение.

– Где ты ее нашел?

– Сегодня утром под дубом Трех Сестер. Ее принес мне Джо Брандт. Он знал, что мистер Маркус покинул Эшбертон еще вчера после ужина, но не был уверен, известно ли ее светлости. Он боялся все испортить, если можно так выразиться.

– Маркус действительно уехал? – с неодобрением спросила Персефона. Она вполне догадывалась, почему брат желал покинуть их общество: они стали обсуждать свадьбу и каждодневные дела, чего Маркус всегда старательно избегал.

– Мистер Маркус лично просил конюха как можно дольше держать в тайне его отъезд.

– Не сомневаюсь в его словах, – рассеянно ответила она. Ей вспомнилось, что была молодая танцовщица, которая жила где-то неподалеку и, похоже, в любой момент готова была принять ее брата с распростертыми объятиями. Может быть, ей что-нибудь известно о его местонахождении?

– Мисс Персефона, Джо сказал, что под шляпой он нашел вот это. Так не пошутил бы даже мистер Маркус, – сказал Гивидж, покопался в кармане своего жилета и выудил оттуда тяжелый перстень.

Персефона ахнула. Она увидела в перстне необычный камень с выгравированным фантастическим морским чудищем среди волн. Эта шутливая карикатура обыгрывала фамилию Сиборн – буквально «рожденный морем», а сам перстень принадлежал ее покойному отцу. Ричард с большой неохотой надел его на свой палец только после получения наследства лорда Сиборна. С тех пор Персефона больше не видела ни кольца, ни брата. Осознав, что теперь замок, дом и все огромное поместье принадлежат ему, Рич поскакал прочь с такой скоростью, словно за ним гналась дюжина чертей. «Как всегда, твердо решил идти своим путем, – горько подумала Персефона, – и ему это отлично удалось». Кольцо означало первую весть о судьбе Рича с того дня, когда он словно растворился в воздухе.

– Не говори об этом моей матери, – попросила она и посмотрела на старого слугу и друга, молчаливо глазами умоляя не осложнять и без того тяжкую ношу леди Мелиссы.

– Да как я могу не сообщить? – возразил тот.

– Это ее убьет, – ровно сказала Персефона. – После смерти отца и исчезновения Ричарда ей и так пришлось нелегко. Нельзя, чтобы она узнала об опасности для обоих ее сыновей. По крайней мере, пока мы не поймем в чем дело.

– Мисс Персефона, но мы же не можем притвориться, что ничего не было. Вдруг мистеры Ричард и Маркус оказались во власти каких-нибудь бессовестных негодяев?

– Нельзя принимать скоропалительных решений. Мне надо хорошенько подумать, – настойчиво возразила Персефона и протянула руку за кольцом и бесформенной шляпой, при этом пристально смотрела старому слуге в глаза.

Тот в конце концов еле заметно пожал плечами и нехотя передал обе находки.

Она с некоторым облегчением вздохнула, но страх за безопасность братьев все равно лег на ее душу тяжким бременем.

– Гивидж, поговори, пожалуйста, с Джо и тем конюхом. Уверена, ты уже попросил их молчать, пока не поговоришь с моей матушкой. Пусть они и дальше держат рот на замке, пока мы не докопаемся до истины.

– Конечно, я исполню вашу просьбу, мисс Перри, но нельзя бездействовать слишком долго, – предостерег тот, называя ее детским прозвищем.

– Мы и не будем, но какой-то враг явно хочет, чтобы мы ударились в панику. Я же намереваюсь, назло ему, действовать исключительно со здравомыслием.

– Только не откладывайте чересчур надолго, ладно, мисс Перри? Иначе мы можем потерять след мистера Маркуса.

– Надеюсь, в моих жилах достаточно крови Сиборнов, чтобы этого не допустить, Гивидж, – ответила она и пристально посмотрела ему в глаза, показывая: она, как никогда, говорит серьезно.

«Инстинкты меня не обманули», – безрадостно думала Персефона, бродя по кабинету Джека. Тот в это время вместе со своей новоиспеченной герцогиней стремительно приближался к Озерному краю. Если б только вчера поднялась тревога, тогда ничего бы и не случилось. Сердась на себя за уже невозможное промедление, она ощутила, как начинает подступать паника. Вероятно, следует уведомить магистраты и их констеблей, а может, даже и сыщиков с Боу-стрит, чтобы они бросились по следу Маркуса и его похитителя? Персефону передернуло при мысли о том, кто подбросил им кольцо ее покойного отца и шляпу брата. Подкинуть родным вещи, явно отобранные против желания их обладателя, – за этим угадывался холодный и расчетливый ум. И угроза, о которой она боялась даже подумать.

– Что же еще вы можете мне рассказать? – спросила она у предметов в своих руках.

Для размышлений над этим вопросом девушка положила кольцо и шляпу на стол и застыла, так и не выпустив перекинутого через руку шлейфа длинного платья.

Глава 5

– Что тут происходит? – раздался вдруг раздраженный мужской голос.

Хорошо, она не успела еще что-то сказать вслух неодушевленным предметам, иначе выставила бы себя окончательной идиоткой.

– Как вы, черт подери, тут оказались? – с негодованием поинтересовалась она у появившегося Александра Фортина.

Тот в самый решающий момент помешал ее мыслям.

– Я был приглашен, помните? – резко спросил он, и Персефона вспомнила, что Джек предоставил своему шаферу в пользование личные апартаменты на случай, если тот решит загоститься.

После свадьбы кузен в них уже не нуждался и потому предложил лорду Калверкоуму ими воспользоваться. И даже, как он сказал, притвориться, будто тот в своем неприступном уэльском замке, если от этого ему будет легче. Джек, как правило, не потакал капризам своих знакомых, но сейчас отнесся с большой чуткостью к желанию своего друга максимально избегать чужих взглядов. Впрочем, Персефона неохотно признавала: в данном случае неприязнь к любопытному, а то и сочувственному вниманию – это не просто прихоть.

– Да, я помню, – рассеянно согласилась она, а про себя пожелала, чтобы он побыстрее ушел. Она не может думать в присутствии этакого римского полководца в боевых шрамах.

– Может, вы скажете мне наконец, что случилось? – безапелляционно поинтересовался он, словно вместе с покоями Джека получил и его власть.

– С чего вы решили, что что-то случилось? – с раздражением вскинулась Персефона.

– А что еще я могу подумать? Сначала сын главного герцогского конюха на всех парах мчится к домику дворецкого. Затем уже сам дворецкий по какому-то срочному делу влетает в хозяйский дом, а у вас потрясенное выражение лица. Объясните, что происходит! – потребовал граф, он даже не пытался изображать вежливого гостя и притворяться, будто это не его дело.

– Я занята, – быстро объяснила она свою невежливость.

Персефона нетерпеливо подумала: «Сейчас нет ни времени, ни сил ходить на цыпочках вокруг колючего и раздражительного приятеля Джека и нет необходимости доверить ему всю эту ужасающую ситуацию». Граф насмешливо посмотрел на ее безжалостно скрученные юбки и сапоги для верховой езды и вопросительно поднял брови. Но Персефона не желала расправлять юбки и рисковать в них запутаться, лишь бы доказать ему, что она благовоспитанная леди.

– Неужели вы и дальше собираетесь слоняться по этому кабинету и заламывать руки? Полагаю, вам стоит переодеться, иначе вы споткнетесь и упадете, – сказал он, словно она сама не могла додуматься.

– А вам стоит хоть раз поступить по-джентльменски и оставить меня одну, – резко ответила она.

– Не раньше, чем вы расскажете обо всем здесь происходящем, – сообщил граф и оперся руками на стол Джека с таким видом, словно собирался провести тут хоть целый день.

– Вас это не касается. Да почему вас это вообще заботит? Когда вы в июне сюда приехали, вы ведь считали: Джек замешан в похищении вашей драгоценной племянницы, верно? Меня мало волнуют ваши мысли о нас, милорд, но Джек слишком благороден, чтобы похищать или держать у себя какую-то леди против ее воли.

– Вопрос немного жестокий и не слишком изящный, но вполне справедливый, – отстраненно проговорил он.

– Благодарю. Так каков же ответ?

– Так или иначе, но наши семьи одинаково благородны. Признаю: я тогда ошибался.

– Уверена, когда Джек это услышит, испытает глубокое удовлетворение.

– Он уже слышал и отнесся ко мне куда с большим великодушием и всепрощением. Так вы все-таки скажете мне, что у вас произошло, мисс Сиборн? Время уходит впустую. Кроме того, вы явно скрываете случившееся от матери, ибо я не вижу, чтобы кто-то искал решение в ответ на известие Брандта и неотложную проблему Гивиджа. В отсутствие Джека это было бы неизбежно.

– Очень мило с вашей стороны мне об этом напомнить, – бросила Персефона, испытывая жгучее желание походить туда-сюда по комнате. Она даже захотела побить кулаками его каменную грудь, пока он не уберется с пути и не оставит ее в покое. Но в итоге отказалась от этой мысли, боясь сделать себе только хуже.

– Так что же произошло? Если вы знаете, что случилось, почему не начали срочно заниматься поиском решения?

– С чего вы взяли, что я не ищу решение? Ищу, но один неверный шаг может все разрушить, – добавила она с ощущением тяжелой ответственности на своих плечах.

– Так расскажите мне, – мягко, но настойчиво повторил граф. Он предлагал ей свою силу и серьезный опыт, на секунду вновь открывая истинного человека, скрытого за циничным и безразличным фасадом.

Похоже, он уверен, что сумеет заграбастать дело в свои руки, как только она выполнит просьбу и расскажет ему печальную историю. Персефона подумала: «Это, вероятно, и не так плохо, но все-таки у него есть собственные и весьма сильные мотивы. Если все рассказать, он может броситься в погоню за своей племянницей и Ричем, а отнюдь не на помощь Маркусу. А если я буду держать рот на замке, Гивидж или Джо Брандт наверняка все равно расскажут ему о перстне Рича. А граф – воин, даже если временами кажется, что он себя за это ненавидит. Браться за выполнение невозможного и побеждать – его профессия».

– И зачем мне это делать? – спросила она в надежде выиграть немного времени и подумать.

– Потому что я офицер разведки и в любом случае все выясню. Просто, если вы с самого начала расскажете мне правду, это сэкономит время и упростит задачу.

– Это касается не только меня.

– А, так значит, ваши родственники впутались в какую-то новую авантюру? – бесцеремонно спросил он.

Вот поэтому она до сих пор ничего не сообщила о деле и не отправилась с невинным видом к своей матушке.

– Нет, мои родные оказались впутаны из-за вас, милорд. Иначе зачем тому, кто стоял за исчезновением Рича, подвергать опасности Маркуса? Этот негодяй вынудил моего брата и Аннабель где-то скрываться, пока не появились вы и не начали задавать вопросы.

– Значит, вы во всем обвиняете меня? Даже если произошло что-то с юным Маркусом? – недоверчиво спросил он.

– С чего вы взяли, что с ним что-то произошло? – вне всякой логики возмутилась она и снова зашагала по кабинету; тревога и расстройство требовали выхода.

– Да вы же только что сами мне это сказали. И еще по состоянию вот этой шляпы. Он упорно напяливал, пока не было рядом вашей дражайшей родительницы. Этот парень ни за что по своему желанию не расстался бы со своей «неотразимой» и горячо любимой шляпой. Так почему бы вам не рассказать мне всю историю, мисс Сиборн? Один ум хорошо, а два лучше.

– Я сама и половины не знаю, – вздохнула Персефона и разжала стиснутые кулаки. Этим утром ее руки словно жили собственной жизнью. – Я понятия не имею, кто похитил моего младшего брата, но этот человек оставил ясный намек: на самом деле он хочет найти Рича. Как я могу быть уверена, что вы станете искать Маркуса, – его-то явно удерживают против воли, – а не броситесь в погоню за моим старшим братом?

– Достаточно! – рявкнул граф и преградил ей путь, дерзнув схватить за запястье сильными гибкими пальцами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.